

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII – XIX ВЕКОВ

Б. М. СИНОЧКИНА

Синонимические парные сочетания слов типа *знать-ведать, путь-дорога, холост-неженат, вкупе-вместе* носители современного русского языка ассоциируют прежде всего с устным народным творчеством. Солидарны с ними и специалисты-филологи: „Сочетания синонимов – явление, свойственное (и характерное) почти исключительно устному творчеству, а отнюдь не языку в целом“ [Евгеньева, 1963, с. 265–266]. Действительно, народнопоэтическое творчество является в наши дни преимущественной сферой активного применения синонимических пар, но, как показывает исследование, их бытование в языке не ограничивается рамками фольклора.

В еще меньшей мере трактовка синонимических пар как специфически фольклорного выразительного средства справедлива для минувших эпох. Обращение к нашей древней письменности свидетельствует о том, что сочетания равнозначных и близкочуждых слов с незначительными вариациями, обусловленными спецификой жанра, в большом количестве содержатся как в светской, так и в церковной литературе, в деловых памятниках древней Руси и, таким образом, представляют собой нейтральное коммуникативное средство, а не специфическую примету одного какого-то стиля, жанра, вида речевой деятельности. Для языка древнерусского и среднерусского периодов сочетания синонимов следует рассматривать как способ выражения определенных значений, характерных для живого употребления, обиходной повседневной речи, а не как элемент художественной формы. Парное употребление равнозначных слов служило в языке восточнославянской и русской народности речевым средством повышения экспрессивного потенциала. Уточнению, конкретизации в составе пары подвергались слова с очень широким семантическим объемом и, соответственно, малой информативностью. Парные сочетания являлись своеобразным семантическим контекстом, в котором реализовалось требуемое значение полисемичного слова. Нередки в письменности синонимические пары, где в качестве глосс лексических локализов, а также иноязычных слов (в частности, обозначающих специфические иноземные реалии) служат их общерусские семантические эквиваленты или ближайшие

соответствия. Таким образом, особенностями речевого (парного) употребления слов вынужденно компенсировалось несовершенство лексической системы¹.

Наличие у слова большого числа значений, порой весьма близких и трудно расчленимых, явилось непосредственным следствием развития лексической системы, стремления языка ответить на все возрастающие языковые потребности общества, так как „процесс присвоения новых значений к смысловому содержанию слова и процесс расширения функционального объема элементов формы является господствующим способом языкового претворения новых понятий“ [Дегтерева, 1961, с. 3]. Но подобное непомерное расширение семантического объема отдельных слов затрудняло реализацию в тексте именно необходимого значения, ставило под угрозу коммуникативную четкость языка. С другой стороны, наличие у ряда слов идентичных значений, без какой бы то ни было логической или экспрессивной их дифференциации, лишь загромождало систему, тяготеющую „к структурному равновесию, т. е. к строго определенному набору лексем, дополняющих, но не перекрывающих друг друга функционально и семантически“ [Маковский, 1965, с. 85].

И до тех пор, пока ощущалась эта недостаточность лексико-семантической системы языка, существовало и парное употребление слов-синонимов не как художественное средство, не как примета какого-то определенного функционального или речевого стиля – оно существовало в языке в целом как необходимое средство реализации определенных значений.

Развитие лексико-семантической системы не только привело к значительным изменениям в составе синонимии русского языка, но постепенно изменило и самый принцип употребления синонимов. Увеличивая инвентарь лексем, язык вместе с тем избавлялся от излишних значений полисемичных слов, становился все более четким, гибким и совершенным.

Семантическая избыточность и дублирование постепенно уступали место смысловой и стилистической дифференцированности. Значения и употребления сходных по смыслу лексем взаимоограничивались и уточнялись. Своё завершение эти процессы получили уже в языке русской нации, поскольку именно национальный язык „стремится к нормативности, тогда как сублимация литературного языка более ранних эпох чаще всего сочетается со свободным отношением к норме, допускает многочисленные варианты нормы“ [Будагов, 1967, с. 22]. Для русского литературного языка это движение к единой общенациональной норме начинается примерно с 30-х гг. XVIII в. [Винокур, 1959, с. 187]. С этого же времени отмечаются и изменения в функционировании синонимов, в частности, в одновременном употреблении двух

¹ Подробнее о функциях синонимических пар в зависимости от характера обозначаемого понятия см. в нашей статье [Синочкина, 1978].

наименований одного понятия. Если раньше подобное сочетание лексем вызывало усиление (уточнение) значения в силу совпадения их смысла, т. е. налицо был семантический повтор, то теперь в первую очередь осмыслялось то отличное, что разделяло эти лексемы. Различительная функция синонимов нередко акцентируется в современных дефинициях синонима. Так, В. Н. Ключева считает синонимами „слова-понятия, отражающие сущность одного и того же явления объективной действительности, различающиеся дополнительными оттенками значения и служащие не столько для подмены друг друга, сколько для уточнения мысли и нашего отношения к высказываемому“ [Ключева, 1961, с. 4].

Подобный сдвиг в восприятии синонимических сочетаний мог произойти не ранее, чем были четко осознаны семантические отличия, потенциально присутствовавшие в сходных по значению словах, но выявленные и закрепленные лишь в национальном литературном языке с его тяготением к строгой норме и регламентированности словоупотребления.

Семантическая дифференциация вела к тому, что синонимы не повторяли (в иной форме) наименование понятия, а по-разному, каждый с лишь ему присущими нюансами смысла, характеризовали его. Стилистическое же разграничение синонимов исключало дальнейшую возможность совместного употребления в литературном языке обеих лексем, ставших разностилевыми (т. е. функционально разносистемными) элементами. Постановка рядом двух синонимов приобретает, таким образом, иную выразительную функцию: „акцентируется не усиление, уточнение значения слова или фразы, а полнота характеристики явления, предметов, качества, даваемая в различных оттенках“ [Евгеньева, 1963, с. 282]. Сочетания оттеночно-понятийных синонимов с несовпадающими нюансами значения создают эффект полноты описания. Ср.: Затих повсюду *шум и гам*. И воцарилось молчание (Ф. Тютчев. Еще шумел весенний день...). Синонимы *шум* и *гам* очень близки по значению, но не тождественны, так как *шум* может порождаться звуками любого происхождения, а *гам* обозначает беспорядочный гул голосов. У того же Тютчева при описании конкретной ситуации птичий щебет вполне закономерно назван *гамом*, а хаос всех прочих раздающихся весной в природе звуков — *шумом*. Ср.: В лесу не молкнет птичий *гам*, И *гам* лесной и *шум* нагорный — Все вторит весело громам (Ф. Тютчев. Весенняя гроза).

Однако язык, как известно, представляет собой „систему в движении“ [Косериу, 1963, с. 174]. Перманентный характер развития языка выражается, прежде всего, в том, что „лексико-семантические системы не сменяют одна другую как часовые, а как бы взаимопроникают друг в друга“ [Виноградов, 1953, с. 188]. Поэтому и норма литературного языка представляет собой явление историческое, носящее лишь относительно постоянный характер в

рамках определенного периода литературного языка, что предполагает сосуществование новых нормализаторских установлений с явлениями нормативного характера, унаследованными от предшествующего периода [Бельчиков, 1965, с. 6]. Между старой и новой нормой в языке нет и не может быть китайской стены. Момент движения необходимо учитывать даже при синхроническом изучении языка. „При этом одни явления должны выделяться как развивающиеся, продуктивные, другие – как отмирающие или окаменевающие, третьи – как относительно стабильные...“ [Смирницкий, 1956, с. 9].

Как уже отмечалось, с середины XVIII в. старый принцип парного употребления синонимов на основе их общности уступает место совместному их употреблению, базирующемуся на различии.

Однако в литературном языке не только второй половины XVIII в., но и на протяжении XIX в. и даже sporadически в XX в. встречаем также и сочетания синонимов, дифференциал значений которых равен нулю (абсолютные синонимы) или ничтожно мал. Очевидно, в данном случае имеем дело с продолжением старой традиции использования синонимов, когда сочетания слов тождественной и предельно близкой семантики служили целям усиления или уточнения значения. Ср.: Сия *вкруг около* дорожка... (А. Сумароков. Коловоротность). И мрачный свет предать на волю *Судьбы и рока*... (Н. Карамзин. Послание к Дмитриеву). Перебирается зефир, Где царствует *покой и мир* (Г. Державин. О удовольствии). Дай бог, чтобы во всей вселенной Воскресли *мир и тишина*... (А. Пушкин. Из письма к В. Л. Пушкину). Язык безмолвствует... одни *мечты и грезы* (Д. Давыдов. Элегия VIII). Пошли, господь, свою отраду Тому, кто в летний *жар и зной*, Как бедный нищий, мимо саду Бредет по жаркой мостовой (Ф. Тютчев. Пошли, господь, свою отраду...). И над могилой выровняли землю, Чтоб не было *ни знака, ни отметы*, Где тлеют ваши кости без гробов (М. Михайлов. Пятеро). Мой сын, вверяясь небесам, *Надейся, уповай*... (В. Курочкин. Завещание). И, с ризы странника свергая *прах и тлен*, В мир лучший духом возлетаю (К. Батюшков. К другу).

Как и в старой русской письменности, встречаем в классической поэзии синонимические пары, состоящие из слов прямого и переносного значения. Напр.: Народ, развратом воспоенный, Грозит нам *рабством и ярмом!* (Ф. Глинка. Военная песнь). Когда наградой *пота и труда* Был произвол (А. Толстой. Сон Попова). Встречаем и сочетания синонимов различной стилистической тональности. Ср.: Все *сведает, узнает*: Кто умер, кто влюблен... (А. Пушкин. Городок). И в тот же час *смекнул и догадался*, Что в когти он нечистого попался (А. Пушкин. Монах). Чтобы стены от „ура“ *И тряслись и трепетали!*... (Д. Давыдов. Гусарский пир).

Как и в старой русской письменности, в поэзии XVIII–XIX вв. тематически наиболее богато представлены сочетания синонимов, связанные с эмоциями. Как и в языке предшествующего периода, это могут быть пары, состоящие из синонима, называющего эмоциональное состояние непосредственно и через внешнее его проявление. Ср.: И так без *трепета и страха* Нам можно ожидать конца (Н. Карамзин. Послание к Дмитриеву). *Ужас и трепет* чувствуя в сердце, Мимо кладбища спешит (Н. Карамзин. Кладбище). И вдруг оглянулись враги на Самсона, *И страхом и трепетом* обдало их (Н. Языков. Самсон). Когда б вы знали, что теперь вас ждет, Вас проняло бы *ужасом и дрожью* (А. Толстой. Сон Попова).

Объединенные в пару синонимы могут также различаться по своей интенсивности, однако, будучи примененными к одному предмету, акцентируют передаваемое понятие в силу совпадения ядра лексического значения. Ср.: Пролей поток, О Мельпомена, слезный, *Восплачь и возрыдай* и растрепли власы (А. Сумароков. Элегия на смерть Волкова к Дмитревскому). Восторг, восторг они [россияне], а *страх И ужас* турки ощущают (Г. Державин. Водопад).

Нередки также сочетания речевых синонимов, называющих проявления эмоции в комплексном действии и одну из его „составляющих“: И тень в небесную отчизну провождал С мольбой, *рыданьем и слезами* (К. Батюшков. Тень друга).

Отсутствие резких границ между эмоциональными состояниями (особенно не имеющими специфического внешнего выражения) и, как следствие, четких отличий у смежных по семантике слов, их называющих, не всегда позволяет решить вопрос о том, какое же сочетание перед нами: усиливает ли оно значение с помощью слов, имеющих идентичный смысл, или же синонимы передают различные несущественные признаки понятия, соответствующие оттенкам значения синонимов. Ср.: С сея ужасныя минуты *Крушусь, тоскую* день и ночь (Н. Карамзин. Раиса). О Меланхолия! Нежнейший перелив От *скорби и тоски* к утехам наслажденья! (Н. Карамзин. Меланхолия). Ах, звуки *горести, тоски* (Н. Карамзин. Протест, или несогласие стихотворца). Мрачат *печали, скорби*, старость (Г. Державин. Водопад). Мне *грустно и печально*, мне тяжело (А. Хомяков. Когда гляжу...). Буду кипеть, негодуя, *тоской и печалью* (А. Толстой. Сердце, сильней разгораясь...).

Как и в языке древнерусского и старорусского периодов, сочетание синонимов в языке поэзии XVIII–XIX вв. может способствовать реализации необходимого значения полисемичного слова, выполняя роль указательного микроконтекста. Так, второй компонент пары позволяет воспринять многозначное слово *труд* как „печаль, душевное страдание“ или причину их – „трудности, тяготы, заботы“, а не как, например, реализацию лексико-се-

мантического варианта „работа“, также присущего данной словарной единице в рассматриваемый период. Ср.: Амур, который зрел ее *и скорбь и труд*... (И. Богданович. Душенька). Мой путь уныл. Сулит мне *труд и горе* Грядущего волнуемое море (А. Пушкин. Элегия). Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги. Бессмертье их чуждо *труда и тревоги* (Ф. Тютчев. Два голоса). Идешь в рудокопы на *труд и печаль* (Н. Огарев. Михайлову). Но все твой *страданья* И весь твой *труд* готов делить с тобой... (Н. Огарев. Упование).

Извлеченные из поэзии XVIII—XIX вв. синонимические сочетания, как видим, по существу не отличаются от подобных сочетаний древнерусской и старорусской письменности. Однако наряду с привычными для старой русской книжности парами (*страх и ужас, рыданье и слезы, труд и пот* и т. п.) можно отметить и новые, построенные по тому же принципу совпадения значения, но уже относящиеся целиком к арсеналу выразительных средств новой поэтики. Такова, например, синонимическая пара *прохлада* (чаще множ. — *прохлады*) и *нега*, передающая значение „состояние безмятежного покоя, пребывание в праздности, блаженство“. Ср.: Сын роскоши, *прохлада* и *нег*. Куда, Мещерский! ты сокрылся (Г. Державин. На смерть князя Мещерского). От самой юности служитель алтарей Богини *неги и прохлады* (К. Батюшков. К другу). В час *неги и прохлады* На ужинах твоих... (К. Батюшков. Мои пенаты). Так и ныне он (голос лиры) прекрасен, Полный *неги и прохлады* (Н. Языков. Н. Д. Давыдову. Жизни баловень счастливый...). Апостол *неги и прохлада*, Мой добрый Галич, *vale!* (А. Пушкин. К студентам).

Следовательно, поэзия не просто повторяет старые сочетания, которые из часто употребительных и привычных могли постепенно стать устойчивыми в языке, но в какой-то мере наследует отживающий принцип сочетания лексем с совпадающим или предельно близким значением (где оттенки неуловимы): двукратное выражение значения все еще служит экспрессивным средством в языке поэзии².

Как известно, язык „высокой“ поэзии всегда несколько арханчнее обычного или даже языка художественного прозаического произведения. Так, в частности, „поэтический язык сохраняет равнозначные языковые элементы там, где обиходный язык постепенно утрачивает их, удовлетворяясь однообразием выражения“ [Пауль, 1960, с. 302]. Наследование и продолжение старых языковых традиций, использование явлений, отмирающих в живом разговорном языке, создают присущую поэзии приподнятость, необычность. Этой цели призваны служить и нередкие в русской классической поэзии синонимические повторы.

² Возможность влияния языка фольклора с его специфическими средствами выражения можно исключить, рассматривая лишь произведения, далекие по форме от устнопозитических.

SYNONYMIC REPETITIONS IN THE 18TH – 19TH CENTURY
RUSSIAN POETRY

B. M. SINOCHKINA

Summary

The paper is an attempt at the analysis of synonymous collocations that served as one of the necessary language means in Old Russian. Later, owing to the development of the language, the perfection of its lexico-semantic system including, such synonymic word-groups became redundant. Preservation of some of them is mainly due to the conservatism of language and especially to its specific functions in poetry.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельчиков, 1965 – Бельчиков Ю. А. О нормах литературной речи. – Вопросы культуры речи. М., 1965, вып. 6.
- Будагов, 1967 – Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. – М., 1967.
- Виноградов, 1953 – Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. – Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 3.
- Винокур, 1959 – Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
- Дегтерева, 1961 – Дегтерева Т. А. Формы проявления семасиологических законов. – В кн.: Законы семантического развития в языке. М., 1961.
- Евгеньева, 1963 – Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVIII–XX вв. – М.–Л., 1963.
- Клюева, 1961 – Клюева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка. – М., 1961.
- Косерну, 1963 – Косерну Э. Синхрония, диахрония и история. – В кн.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3.
- Маковский, 1965 – Маковский М. М. Теория лексической аттракции. – ВЯ, 1965, № 6.
- Пауль, 1960 – Пауль Г. Принципы истории языка: Пер. с нем. – М., 1960.
- Синочкина, 1978 – Синочкина Б. Монета или белка? (К толкованию одного „темного места“ в „Повести временных лет“). – *Kalbotyra* (Языкознание). Вильнюс, 1978, т. 29 (2).
- Смирницкий, 1956 – Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М., 1956.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса

Вручено
в ноябре 1979 г.